

художественные смыслы ощутить и выразить их словом науки.

Книга «О Пушкине» несет в себе, передавая его последующим эпохам, и опыт несколько другого рода, возможно, еще более важный. Опыт этот связан уже с метанаучными, гуманистическими целями, которые литературоведение (в лице не очень многих, но самых выразительных своих представителей) так успешно достигало с конца 1950-х годов — в течение нескольких десятилетий. Оставаясь в собственных строгих пределах и не переступая границ науки, оно, одновременно с этим, некоторым образом входило непосредственно в жизнь, указывая своим читателям важнейшие жизненные ориентиры, которые позволяли им, оценивая происходящее вокруг, выбирать определенную жизненную позицию. Ну а если и не выбирать, то, во всяком случае, осознавать возможность такого выбора. Об этом, в частности, выразительно писала О. А. Седакова, имея в виду Ю. М. Лотмана и Тартускую школу.⁷ Но далеко не только в Тарту происходило подоб-

⁷ Седакова О. А. «Вечные сны, как образчики крови...». О Юрии Михайловиче Лотмане и структурной школе в контексте культуры 70-х годов // Лотмановский сборник. [Вып.] 1. М., 1995. С. 262–263.

ное. В частности, сверхсмыслы такого типа обнаруживаются в работах Марковича, прежде всего в тех, что посвящены Пушкину. В статьях, составивших нынешний пушкинский том, все время звучит одна идея, образующая магистральный сюжет пушкинистики ученого. Это — идея свободы. Маркович показывает, как эта свобода обуславливает композицию «Евгения Онегина», как проявляется она в политической лирике и, совсем по-другому, определяет мир «Повестей Белкина». Более того, свободу, уже как свободу общения с самим собой, Пушкин передает далеким своим потомкам, что проявляется в поэзии ленинградского андеграунда в ее отношениях с Пушкиным. Эта пушкинская свобода неразрывно связана с милостью, милостью к падшим, т. е. ко всем нам. Свободный человек уважает свободу других людей, и в другом он видит такого же свободного человека, как он сам. «Пушкин, тайную свободу пели мы вослед тебе» — с тактом и сдержанностью, оставляя литературоведом, В. М. Маркович именно это выделял, в совершенно разных аспектах, в творчестве Пушкина. И его собственное литературоведческое творчество зарядилось тою же самой пушкинской свободой. И продолжает передавать ее своим читателям — как драгоценный и выстраданный вопреки многому дар.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-2-257-259

© И. Н. Сухих

ЧЕХОВИАНА А. П. ЧУДАКОВА*

Даже не верится, что этот огромный труд наконец завершен. Два тома, больше тысячи страниц, 6040 записей, пять указателей, занимающих 200 страниц. Кажется, такой персональной библиографии в нашей филологии не было. А в чеховедении — не было точно.

Александр Павлович Чудаков (1938–2005) сегодня больше известен как беллетрист. Его единственный «роман-идиллия» «Ложится мгла на старые ступени» (2000) уже после внезапного ухода получил премию «Букер десятилетия» (2011) и многократно переиздавался; совокупный тираж книги, вероятно, превышает 100 000 экземпляров.

Филологические интересы А. П. Чудакова были широки и разнообразны. Он много занимался общей поэтикой и даже внутри нее придумал новую дисциплину — ресологию («наука об отношении человека к предметно-

му миру, в который он погружен и который формирует его»). Он готовил и комментировал переиздания филологической классики: Ю. Н. Тынянова, В. Б. Шкловского, своего учителя В. В. Виноградова.

Но главной его любовью и предметом научного интереса был Чехов. Книги о нем «Поэтика Чехова» (1971) и «Мир Чехова: возникновение и утверждение» (1986),¹ написанные на основе кандидатской и докторской диссертаций, пожалуй, уже встают в тот ряд, который я воспроизвел несколькими строками выше. Чудаков был одним из главных докладчиков на многочисленных чеховских конференциях. Из его статей о Чехове можно составить еще один (пока не собранный) том.

Параллельно с этим всю свою научную жизнь — сорок лет — Чудаков занимался работой, которая обычно представляется подлинной: библиография прижизненной критики о Чехове начинается с мимолетного упоминания

* Чудаков А. П. А. П. Чехов в прижизненной критике 1882–1904. Библиографическая монография-указатель. М.: Театральный музей им. А. А. Бахрушина, 2022. Т. 1. 520 с.; 2023. Т. 2. 500 с. (Бахрушинская сер.).

¹ См. рецензию на это издание: Сухих И. Н. Движение концепции // Русская литература. 1988. № 2. С. 238–241.

Буквой (И. Ф. Василевским) в газете «Русские ведомости» (1882. 1 дек.) «какого-нибудь „Антоши Чехонте“, а завершается столь же случайными заметками 2–3 июля 1904 года в «Саратовском листке», астраханском «Прикаспийском листке» и петербургском журнале «Север» (кто же знал, что они окажутся последними прижизненными?).

Библиография принципиально обрывается в день чеховской смерти. «2 (15) июля 1904 г. является датой рубежной — после нее литература о писателе приобретает другой характер и иной смысл» (1, 22). Таким образом, огромный материал некрологов, мемуаров и первых осмыслений завершившегося творческого пути остался за ее пределами.

Даже к этой эмпирической работе Чудаков подошел концептуально. В предваряющем первый том «Проекте», названном «Исчерпывающая прижизненная библиография» (он не датирован, но, вероятно, относится к середине 1990-х годов), не только даны необходимые для пользования указателем пояснения (принципы отбора, структура библиографической записи и пр.), но обозначен подход к материалу, варьирующий идеи чудаковских монографий.

«Проблема исчерпанности библиографии тесно связана с проблемой прижизненной критики, которая имеет особый характер: рожденная в процессе литературной борьбы, она выявляет то новое, что входит в искусство в большом писателем, те черты, которые в посмертных работах, став привычными и затусневаясь репутацией „классика“, уже не видятся так остро. Прижизненная литература (критика) носит особый характер. Это — критика в собственном смысле слова, это живой литературный процесс, состоящий из сложного переплетения множества нитей, где одна связана с другою. И если в посмертной библиографии какие-то материалы могут быть без ущерба отсеяны, то такое никак не может быть допустимо в прижизненной полной научной библиографии. Любая из напечатанных при жизни статей могла попасться на глаза и каким-то образом отразиться в его сознании» (1, 21).

Практической реализацией последнего тезиса оказался, как правило, отсутствующий в библиографических изданиях раздел «Примечания» (2, 226–256). В нем, помимо раскрытия псевдонимов, цитирования инскриптов на присланных Чехову статьях и книгах, систематически представлены отзывы писателя на публикации о нем. Оказывается, вопреки привычному представлению о равнодушии Чехова к литературной критике, ему не только «попадалось на глаза». Он многое читал, обсуждал со своими корреспондентами, кое-что даже переписывал, причем будучи не только начинающим автором, который ловит о себе каждое доброе слово. Первая его реакция на критику относится к августу 1884 года (письмо Н. А. Лейкину), последняя — к апрелю 1904 года (письмо О. Л. Книппер с приложенной статьей из «Крымского курьера»).

Одна из последних статей А. П. Чудакова называлась «К проблеме тотальной комментария „Евгения Онегина“» (2005). Двум строкам пушкинского романа здесь было посвящено больше двадцати страниц.

«А. П. Чехова в прижизненной критике» можно назвать опытом *тотальной библиографии* (на привычном языке — регистрационной). «Данный указатель посвящен литературе о Чехове, вышедшей при его жизни, и он планируется как исчерпывающий» (1, 19). Не случаен ее необычный подзаголовок: «библиографическая монография-указатель».

Структурно чудаковская библиография строится по классическим канонам: хронология (с 1882 по июль 1904), внутри каждого года выделяются разделы газет, журналов и книг. Однако редактором и издательством многое сделано для удобства работы с указателем. Перепечатки статей (иногда многочисленные) обычно сопровождаются ссылкой на первую публикацию. Составлен и специальный указатель «Книги, содержащие републикации статей прижизненной критики» (который отчасти перекликается с разделом «Литература»).

Очень удобен макет книги: на каждой странице обозначены год и тип издания. (Вообще, «Бахрушинская серия» стала весьма заметной в последние годы, в ней оперативно издаются материалы проводимых музеем конференций, научные сборники и монографии.)

Судьба чудаковской библиографии драматична. После его внезапного ухода собранные материалы почти двадцать лет лежали в домашнем архиве.

На разных этапах многолетнего труда у А. П. Чудакова появлялись помощники (их имена упоминаются в предисловии). Но особую роль сыграли химик, добровольный филолог-на-пенсии А. И. Саввина, просмотревшая многие комплекты газет, и М. О. Горячева, принимавшая большое участие в сборе материала, но, главное, проделавшая огромную работу по подготовке рукописи к печати: уточнению записей, учету последующих републикаций, составлению указателей. Без подвижнической работы титульного ответственного редактора библиография вряд ли была бы опубликована.

В первоначальном плане А. П. Чудакова предполагался просмотр более 200 газет и 60 журналов. В «Указателе периодических изданий» (2, 451–469) зафиксировано, по моим подсчетам, 203 газеты и 89 журналов. Тем не менее М. О. Горячева в статье-предисловии «О создании библиографии и ее создателе» самокритично замечает: «К публикации подготовлен сохранившийся архив А. П. Чудакова, включающий более 6 тысяч библиографических записей. К сожалению, в процессе подготовки этого материала к изданию оказалось невозможным точно восстановить статистику, отражающую процесс работы и степень ее готовности, а именно зафиксировать, что было просмотрено и изучено полностью в соответствии с намеченной программой, а что осталось за пределами этого

исследования. <...> Программа просмотра журналов выполнена примерно на треть» (1, 4–5).

Конечно, силы и внимание немногих людей ограничены. Список исправлений и дополнений (весьма краткий) к первому тому появился уже в конце тома второго. Но важна общая установка на исчерпывающую фиксацию материала.

В одном из абзацев чудаковского «Проекта» вместо информационно-аналитической интонации вдруг появляется лирика. «Любой отбор произволен. И никто не может предугадать, какая литература о писателе и с какой неведомой ныне целью будет востребована в XXI веке литературоведами, библиофилами, историками театра, режиссерами, актерами, социологами, психологами. Быть может, карточка-запись о забытом провинциальном спектакле окажется единственным памятником давно ушедшим людям, воскрешающим их в сознании потомков, как мечтал о том философ Н. Ф. Федоров» (1, 19).

Фамилия загадочного старика-философа, строившего «научную» теорию «воскрешения от-

цов», к тому же — библиографа Румянцевского музея, появляется здесь совершенно оправданно. Создавая тотальную библиографию, Чудаков стремился найти и зафиксировать *все* следы чеховского творчества в культурном пространстве.

«Никто не может предугадать...»

Федоровская идея воскресения-продолжения непроизвольно подхвачена в конце вступления М. О. Горячевой: «...я слышала мнение чеховедов, что работа Чудакова „перекрыта“, что в публикации его библиографии уже нет смысла, что „время ушло“ (в лучшем случае, советовали сделать электронный вариант). Но А. П. был человеком „книжной эпохи“ (и эта эпоха еще не закончилась!), и издание книги в этом случае — принципиальный момент. Только книга дает возможность зафиксировать его личный вклад в науку, чтобы следующие поколения в своей работе могли опираться на библиографию Чудакова, как десятилетиями опирались на „Чеховиану“ И. Ф. Масанова» (1, 14–15).

Думаю, так и будет.